

Экономическая модернизация Дальнего Востока в контексте отношений России со странами Северо-Восточной Азии*

Economical modernization of the Far East against the background of Russia's relations to North-East Asian countries

Международная экономическая интеграция неуклонно повышает зависимость суверенного государства в проведении внутренней политики от состояния дел в мировой экономике. Внешние факторы способны как препятствовать достижению национальным правительством поставленных целей, так и усиливать результативность государственной политики в случае благоприятной для страны конъюнктуры на мировом рынке или же ее быстрой адаптации к изменяющимся условиям.

В крупных по территории странах одним из важнейших направлений деятельности правительства является региональная политика, одна из основных ее целей – ускорение развития отдельных областей и баланс их общего уровня. В XX веке она оставалась сугубо внутренним делом государства. В начале XXI века предельная специализация стран мира по производству определенных товаров и услуг делает невозможным развитие регионов исключительно за счет внутренних резервов. Необходимым условием подъема территориальной экономики стал выход местных предприятий на внешние рынки. В связи с этим региональная политика России стала все чаще пересекаться с интересами зарубежных стран. Данное явление особенно выражено в тех субъектах Федерации, которые расположены на государственной границе (где проходит международный транзит товаров) или располагают природными ресурсами, составляющими специализацию России в мировой торговле.

В экономике Дальнего Востока России в течение постсоветского периода складывается комплекс проблем, негативно сказывающихся на социально-политической стабильности и международной безопасности России: крайнее упрощение хозяйственной структуры, зависимость регионального благосостояния от внешней торговли, технологическая отсталость от индустриально развитых стран. Эти проблемы порождают дефицит привлекательных рабочих мест. Наиболее квалифицированная часть постоянного населения эмигрирует, а низкооплачиваемые места заполняют иммигранты из-за рубежа,

* Подготовлено при поддержке гранта Минобрнауки РФ № 6.1602.2011 «Государственное регулирование развития приграничных регионов: баланс потребностей национальной безопасности и экономического прогресса».

малознакомые с российской культурой и нелояльные российскому государству. В перспективе это грозит утратой политического влияния федерального центра на Дальнем Востоке, особенно опасной ввиду исторического ревизионизма восточноазиатских наций в отношении России.

В начале XXI века правительство России уделяет развитию Дальнего Востока заметно больше внимания, чем в предыдущее десятилетие. В пределах округа реализуется несколько федеральных целевых программ, в том числе адресованных непосредственно данному региону: «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.», включая подпрограмму «Развитие города Владивостока как центра международного сотрудничества в АТР», и «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007–2015 гг.». В отличие от 90-х гг., когда федеральные программы хронически недофинансировались и порождали долгострой, сегодня целый ряд важнейших инфраструктурных объектов введен в эксплуатацию или близок к этому. Среди них следует отметить автодороги «Колыма» и «Амур», нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», газопровод «Сахалин–Хабаровск–Владивосток», Бурейскую гидроэлектростанцию, нефтяные порты Козьмино и Де-Кастри. Одновременно с инфраструктурными вложениями федеральный центр пытается укрепить единство экономического пространства Дальнего Востока и остальной России, применяя как запретительные, так и поощрительные меры (тарифное и нетарифное регулирование, государственный заказ, бюджетное субсидирование и т.д.).

Впрочем, реформы последнего десятилетия пока не изменили структуру экономики или демографическую ситуацию Дальнего Востока в положительную сторону. Напротив, в экспорте дальневосточных регионов неуклонно росла доля сырья и полуфабрикатов, а в импорте – доля готовых изделий. Отток постоянного населения продолжался: между Всероссийскими переписями 2002 и 2010 гг. население Дальнего Востока сократилось на 6%¹, хотя именно тогда Россия получала повышенные доходы от высоких нефтяных цен на мировом рынке, что позволило направить на обновление дальневосточной инфраструктуры значительные средства в рамках федеральных целевых программ.

Необходимым условием модернизации экономики Дальнего Востока – и, прежде всего, добывающей и обрабатывающей промышленности как наиболее доходной ее части – представляется кооперация с иностранными партнерами, поскольку ситуация в области НИОКР и управления высокотехнологичным производством в России складывается неблагоприятно. Между тем, внешнеполитическая ситуация на Тихом океане остается для

¹ Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г.: Стат. сб. / Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.

России достаточно сложной, что значительно сокращает вариативность подобной кооперации.

Российско-японские отношения в последнее десятилетие характеризуются негативной динамикой, которая усилилась в 2004 г., когда политические лидеры России и Китая достигли окончательной договоренности по спорным участкам российско-китайской границы. В ноябре 2004 г. министр иностранных дел С.В. Лавров прозондировал общественное мнение по Курильскому вопросу. Высказывания Лаврова о готовности России вести территориальные переговоры на основе Декларации 1956 г. поддержал президент В.В. Путин, оговорившись, правда, что Россия будет выполнять взятые на себя обязательства в таких объемах, в которых эти договоренности готовы выполнять ее партнеры¹. Эти высказывания вызвали в России бурные публичные протесты. На самом массовом митинге – в Южно-Сахалинске – был, среди прочего, поставлен вопрос о доверии В.В. Путину. А.И. Марисов, председатель общественной организации «За неотделимость российских восточных территорий», так высказался о мотивах проведения акции: «Меня спрашивали: «Ну, для чего?». И так далее. Я говорю: «Дело в том, что, ребята, поймите: если Путин против передачи островов, в таком случае наша организация будет ему поддержкой. Ну, это общественное мнение. А если он – за, тогда будет ему, так сказать, предостережение» (интервью, Южно-Сахалинск, 2006 г.)².

Во время ближайшего визита в Токио В.В. Путин, действительно, твердо возразил японским претензиям. Сворачиванию переговоров по Курилам, помимо общественного недовольства в России, также способствовали националистические взгляды премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, за время правления которого обострились отношения Японии не только с Россией, но и с другими странами Северо-Восточной Азии. В тот же период участились нарушения морской границы России японскими рыбаками, а российские пограничники стали решительно применять оружие при их задержании.

Отставка Коидзуми в 2006 г. еще более усугубила российско-японский диалог о границе и мирном договоре. Кабинетная чехарда, когда за 5 лет сменилось 5 премьер-министров, и социально-экономические трудности привели к тому, что японские лидеры стали опасаться любых непопулярных решений и примирительных дискуссий на скользкие темы внешней политики. Каждый премьер-министр Японии хотел бы войти в историю своей страны, решив Курильский вопрос, но сугубо на условиях уступок со стороны России. В России, напротив, в данный период сложилась исключительно благоприятная экономическая

¹ Россия отдаст Японии острова. Если будет за что // Lenta.ru [Электронный ресурс]. М., 2004. 15 ноября. Режим доступа: <http://www.lenta.ru/russia/2004/11/15/kuriles/>.

² Использованы экспертные интервью, собранные под научным руководством Л.Е. Козлова в 2006-2011 гг. Помимо руководителя, в проведении интервью участвовали студенты ВГУЭС специальности «Международные отношения» В.С. Серков, М.В. Кудрявцева, В.А. Новиков, В.С. Кравцова.

ситуация, позволившая федеральному правительству уверенно вести себя в иностранных делах. Высокие цены на нефть на мировом рынке позволили сократить внешний долг до суммы, несущественной для бюджетной стабильности, и направить образовавшиеся излишки на решение застарелых государственных проблем. Ответом на пограничные претензии Японии стала федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 гг.».

Прежде Курильские острова считались даже по дальневосточным меркам депрессивной территорией, и Япония не упускала возможности использовать данный факт во внешнеполитической пропаганде. Основными местными проблемами были слаборазвитая инфраструктура транспорта и энергетики, а также низкие на фоне хозяйственных издержек зарплаты. Это побуждало постоянное население к отъезду на материк, а у оставшейся части формировало ощущение бесперспективности. С.А. Абабков, руководитель Агентства по развитию Курильских островов и инвестиционных программ Сахалинской области, так обрисовал текущую ситуацию на островах: «А реалии простые: если случился катаклизм (и в соседнем населенном пункте ты не получишь тепло и электроэнергию, как на севере Сахалина), то деваться просто физически некуда. Непогода не позволяет ни авиа, ни морским транспортом вывезти людей. То есть тут просто безысходная ситуация. <...> Тот, кто не испытывал дискомфорта от невозможности уехать, когда захотел, и вернуться туда, когда захотел, тому трудно это понять» (интервью, Южно-Сахалинск, 2010 г.).

В отношении Дальнего Востока и Забайкалья много лет действовала федеральная программа развития, которая, правда, исполнялась в далеком от плана объеме и не решала основных проблем Сахалинской области. Это подчеркнул А.И. Андреев, зам. председателя контрольно-ревизионной комиссии Сахалинского отделения партии «Единая Россия»: «Все федеральные программы, которые принимались по Дальнему Востоку и Забайкалью: во-первых, финансовая наполняемость была достаточно неполная. И, более того, качество жизни, а, особенно, инфраструктуры (то есть мы говорим о комфортности, о достойности жизни), – я не вижу, чтобы были очень серьезные подвижки. Поэтому есть некоторое расхождение между желаемым и действительным» (интервью, Южно-Сахалинск, 2006 г.). Учитывая внешнеполитическую значимость ситуации на Курилах, их развитие было выделено в отдельную программу, причем она стала единственной среди федеральных программ территориального развития, которая имела муниципальный ареал действия.

Целевая программа развития Курильских островов на 2007–2015 гг., утвержденная постановлением правительства РФ от 9 августа 2006 г., была нацелена на решение вышеописанных проблем, с целью минимизации рисков для проживания населения и деятельности предпринимателей. Ее основными объектами стали аэропорты на Кунашире и

Итуруп, вертодром в Северо-Курильске, несколько причальных комплексов, автомобильные дороги от причалов и аэропортов к населенным пунктам, а также рыбоводные заводы, системы энергоснабжения и канализации, социальные объекты (больницы, школы, детские сады). Для противодействия японской пропаганде на островах началось развертывание федеральной системы цифрового телерадиовещания. Государственным заказчиком-координатором Курильской программы было назначено Министерство регионального развития РФ¹.

Наряду с федеральной программой, позитивные сдвиги в жизни островов усиливались деловой активностью местной компании «Гидрострой», основного хозяйствующего субъекта в Южно-Курильском и Курильском районах. Открытые источники не позволяют точно определить, что федеральное правительство возложило на компанию задачу укрепления дипломатического тыла. Однако руководитель компании А.Г. Верховский был давно известен своими патриотическими взглядами². В 2010 г. он был избран представителем Думы Сахалинской области в Совет Федерации, что в российской политической практике обычно согласуется с администрацией президента РФ. ЗАО «Гидрострой» в частном порядке вводило в оборот на Южных Курилах важные промышленные объекты, что, по мнению Г.В. Глебы, директора Центра современных исследований стран СВА Сахалинского университета, принципиально изменило настроение постоянного населения: «Если раньше, в девяностых годах, когда там было на южных Курилах очень бедственное положение, особенно на Кунашире и Шикотане, то по всем вопросам там большинство говорило: «Хотим в Японию! Всё, давайте нас в Японию!». Чуть ли не голосовали, потому что работы не было, света не было, тепла не было. «Гидрострой» появился – ну, худо-бедно всё-таки это всё появилось. Какая-то стабильность у людей, какая-то надежда на будущее. Конечно, там свои проблемы есть, но в целом есть хозяин. И настроение островитян – оно поменялось. Сейчас уже там менее десяти процентов на Японию смотрят с вождедением. Поэтому, конечно, японцы будут относиться к «Гидрострою» очень-очень негативно. А здесь, понимаете, получилась очень интересная вещь: когда у бизнесмена его интересы совпали с государственными» (интервью, Южно-Сахалинск, 2010 г.).

В отличие от 90-х гг., инфраструктурные объекты Курильской программы стали активно строиться и вводиться в эксплуатацию. В 2007 г. стартовали первые стройки, первые два года программа исполнялась полностью, и лишь воздействие мирового кризиса

¹ Программа «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на 2007-2015 годы» // Федеральные целевые программы России [Электронный ресурс]. М., 2011. Режим доступа: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2011/232/>.

² Петров Д. Южные Курилы: условия диктует российский капитал // Вести недели [Электронный ресурс]. М., 2004. 24 октября. Режим доступа: <http://www.vesti7.ru/news?id=5105>.

заставило сократить программные ассигнования на одну треть. Впрочем, правительство обещало как можно скорее восстановить ее финансирование¹.

На пути программы возник ряд традиционных для России препятствий, которые в определенной степени затормозили ее реализацию. Во-первых, это коррупционные издержки, о чем напрямую говорил в телепередаче «Специальный корреспондент» депутат Государственной Думы РФ, член Генерального совета партии «Единая Россия» В.Р. Мединский². Он настаивал на том, что подобные подряды следует доверять не региональным компаниям, а государственной военизированной организации «Спецстрой». О.М. Мартынов, президент Промышленно-инвестиционной корпорации «ФИНЭКО», так оценил масштабы этой проблемы: «Я думаю, что, как минимум, десять процентов от выделенных сумм уходят не по назначению. Понятно, что оформляются они как по назначению, но реально они не идут на то, на что должны идти. <...> А, вообще, я считаю, что все тридцать. Просто мы сами участвуем в конкурсах. Выигрывают какие-то предприятия. Мы потом смотрим: то, что сделано, совсем не соответствует тому, что записано в техзадании. Никто это не контролирует» (интервью, Южно-Сахалинск, 2010 г.).

Во-вторых, это налоговое законодательство, отправляющее основную часть налогов, заработанных на территории, в бюджет субъекта Федерации и федеральный бюджет, чтобы потом распределять эти средства в виде субсидий, на усмотрение центра. То есть те возможности для местной экономики, которые создают новые инфраструктурные объекты, нивелируются общим для страны, тяжелым налоговым бременем. Модернизация инфраструктуры пока не оказала быстрого и прямого влияния на развитие островного бизнеса, хотя местные предприниматели смогли заработать на подрядах, субподрядах и попутном сервисе. В некоторой степени программа компенсировала районному и областному бюджету доходы от связей с Японией, выпадающие из-за ухудшения политических отношений, но качественного повышения деловой активности и собираемости налогов не произошло.

В-третьих, федеральное правительство не выработало ясного представления о том, какой политико-экономический статус будут иметь Курильские острова: будут ли они зоной активного освоения или оборонным редутом. Российский политический класс редко осознает, что эти два статуса плохо сочетаются друг с другом. Показательно, что в упомянутой телепередаче В.Р. Мединский рассуждал о необходимости создания на островах «налогового рая», с целью резко повысить привлекательность жизни и ведения бизнеса.

¹ Финансирование ФЦП по Курилам должно быть полностью восстановлено - Шувалов // РИА Новости [Электронный ресурс]. М., 2010. 17 декабря. Режим доступа: <http://dv.rian.ru/economy/20101217/81956720.html>.

² Рогаткин А. Наши острова // Специальный корреспондент [Электронный ресурс]. М., 2011. Эфир 13.03.2011. Хронометраж 53:08 мин. Режим доступа: http://www.rutv.ru/video.html?tvpreg_id=8116&vid=107780&mid=14&d=0&p=1.

Одновременно И.Ю. Коротченко, главный редактор журнала «Национальная оборона», член Общественного совета при Министерстве обороны РФ, рассказывал о будущей милитаризации Южных Курил, не встречая возражений других участников передачи¹.

Фактически российское правительство сделало свой выбор: на Курилах действует режим пограничной зоны, налагающий ограничения на передвижение и хозяйствование. Опрошенные нами эксперты отметили, что для заинтересованного инвестора это не является препятствием, но оборонительный характер пограничной политики подразумевает также малонаселенность и отсутствие инфраструктуры в приграничной полосе, что гораздо сильнее влияет на рентабельность. По мнению В.П. Горшечникова, президента Ассоциации рыбопромышленников Сахалина, правительству следовало бы четко определить соотношение задач экономического развития и политической безопасности Курил: «Если мы там собираемся промышленять и что-то делать, если мы ставим политическую составляющую, что это форпост, то тогда надо обеспечить соответствующе всю экономику там. То есть покупать ту рыбу, которая там произведена, по тем ценам, по которым она обошлась. Плюс там рентабельность, на развитие оставлять. Если нет, то не издевайтесь над людьми, делайте вахтовый метод, как на Аляске» (интервью, Южно-Сахалинск, 2006 г.).

В.А. Рокотов, председатель комитета международных, внешнеэкономических и межрегиональных связей администрации Сахалинской области, отметил сложность сбалансирования инвестиционной политики на дальневосточной границе: «Запустить инвесторов – это только первый шаг. Работа с иностранными инвесторами гораздо сложнее и труднее. Это требует гибкости. Во время реализации ты должен решать уже несколько задач, соблюсти интересы государства, иностранного инвестора, местного населения, решить вопросы социально экономического плана. Мы бы не хотели отделять себя от Дальнего Востока и Сахалинской области. То, что с нами происходит, это проблемы развития государственности, нашего понимания. Когда мы решим эти проблемы, появятся новые. То есть государство – это непрерывный процесс, который никогда не остановится» (интервью, Южно-Сахалинск, 2006 г.).

Несмотря на перечисленные трудности, программа сразу повысила взаимную напряженность в отношениях России и Японии. С.А. Пономарев, начальник отдела по связям с Японией администрации Сахалинской области, рассказал о своем впечатлении от поездки с руководителем российского отдела МИД Японии в 2009 г., по объектам ЗАО «Гидрострой»: «Японцы с завистью смотрят на объекты, которые мы строим, и это вызывает у них зубную

¹ Рогаткин А. Наши острова // Специальный корреспондент [Электронный ресурс]. М., 2011. Эфир 13.03.2011. Хронометраж 53:08 мин. Режим доступа: http://www.rutv.ru/video.html?tvpreg_id=8116&vid=107780&mid=14&d=0&p=1.

боль. Поэтому они страшно не рады развитию Курильских островов. У них подсознательно: чем хуже, тем лучше» (интервью, Южно-Сахалинск, 2010 г.).

В 2009 г. премьер-министр Таро Асо на заседании японского парламента назвал Южные Курилы незаконно оккупированными территориями и заявил, что он ждет от России предложений по решению этой проблемы. Чуть позже японский парламент одобрил поправки к закону «О специальных мерах по содействию решения вопроса Северных территорий и подобных ему», в которых содержалось положение о принадлежности Южных Курил Японии. МИД России в ответ регулярно называл подобные действия некорректными, неуместными и неприемлемыми. При этом каждый японский лидер настойчиво повторял, что вопрос скоро решится, например, Юкио Хатояма в 2009 г. надеялся добиться прогресса «за предстоящие полгода-год»¹.

Япония стала еще решительнее противодействовать локальным экономическим связям на сопредельных территориях, один из примеров этого привел С.А. Абабков: «Японское правительство высказало свое крайнее неудовлетворение одной японской компанией, которая обеспечивала металлопрокат Южно-Курильского причального комплекса. Это повлекло за собой потерю работы человека, который там возглавлял русское направление. Очень пожилой человек потерял работу, только потому, что ООО «Труд-Сахалин» закупило в Японии через своего субподрядчика с Камчатки хороший материал, из которого строится пирс, путем погружения в воду. Это такая металлическая свая, которая погружается в воду и является ограждающей конструкцией гидротехнического сооружения. Сочетание цены, качества и скорости доставки по Японии было наилучшим. Тем не менее, японские туристы или люди, приезжающие по обмену на Курилы, увидели это с японской маркировкой, и это попало в СМИ у них там. В итоге, был такой маленький скандал, но нам было глубоко наплевать на их брюзжание. Но, тем не менее, они отказали в поставке следующих партий, то есть поставщик японский больше не рискнул поставлять металл» (интервью, Южно-Сахалинск, 2010 г.).

Президент РФ Д.А. Медведев, выступая в декабре 2010 г. по российскому телевидению, предложил создать на Курилах зону свободной торговли между Россией и Японией, однако японское правительство уклонилось от обсуждения этой идеи, под предлогом отсутствия официального запроса со стороны России. Отсутствие японских компаний на Дальнем Востоке не считают проблемой ни федеральные, ни региональные власти, ведь их зарубежные конкуренты проявляют готовность к замещению пустующего рынка. Полпред президента в Дальневосточном федеральном округе Виктор Ишаев

¹ Подробнее см.: Козлов Л.Е. Федеральная программа развития Курильских островов в контексте российско-японских отношений / Л.Е. Козлов, С.С. Ходова // Россия и АТР. Владивосток, 2010. №3. С.113-121.

прокомментировал данную ситуацию следующим образом: «Не придут к нам японские компании и инвестиции, придут другие. Может быть, из Америки, Китая или Брунея (тоже страна небедная), может из Сингапура, Малайзии, но они все равно придут»¹.

Политическое руководство России стало без колебаний вступать в экономические конфликты с Японией, отвечая на ее внешнеполитическую ригидность. Пик обострения двусторонних отношений пришелся на 2010 г. В ежегодно отмечаемый японцами день Северных территорий (7 февраля) премьер-министр Юкио Хатояма выступил перед участниками движения за возвращение Японии Южных Курил. Он подчеркнул, что Японию не устраивает возвращение двух островов и что он приложит максимум усилий, чтобы вернуть все четыре острова при жизни нынешних поколений. Также он отметил, что России очень важно дружить с экономически и технологически развитой Японией².

Реагируя на подобные заявления и на демонстративные осмотры японскими политиками российской границы со стороны Хоккайдо, 29 сентября 2010 г. Д.А. Медведев обнародовал свое намерение посетить Южные Курилы. Несмотря на протесты японской дипломатии, эта поездка состоялась: 1 ноября 2010 г. впервые в истории глава российского государства посетил Южно-Курильский район, а именно: остров Кунашир. Премьер-министр Наото Кан выразил в данной связи крайнее сожаление, а министр иностранных дел Сэйдзи Маэхара заявил: «Поездка туда президента России ранит чувства нашего народа, вызывает крайнее сожаление»³.

Вслед за президентом России, в 2010-2011 гг. Южные Курилы посетили министр обороны А.Э. Сердюков, министр транспорта И.Е. Левитин, министр экономического развития Э.С. Набиуллина, министр природных ресурсов Ю.П. Трутнев, министр регионального развития В.Ф. Басаргин, вице-премьеры С.Б. Иванов и И.И. Шувалов. За каждым из этих визитов следовали протестные заявления японской дипломатии, на которые МИД России неизменно отвечал, что Япония не должна вмешиваться во внутренние дела нашей страны. Беспрецедентная напряженность заставила государственных лидеров забыть о дипломатичности. В очередной день Северных территорий 2011 г. премьер-министр Наото Кан назвал поездку российского президента на Южные Курилы «непростительной грубостью»⁴. Д.А. Медведев, в свою очередь, полностью отверг возможность компромисса в

¹ Полномочный представитель Президента РФ в ДФО Виктор Ишаев заявляет, что развитие Курильских островов будет продолжаться <...> // Полномочный представитель Президента РФ в ДФО [Электронный ресурс]. Хабаровск, 2011. 21 февраля. Режим доступа: <http://www.dfo.gov.ru/index.php?id=11>.

² Хатояма требует отдать Курилы ради «дружбы с развитой Японией» // Вести [Электронный ресурс]. М., 2010. Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=340486>.

³ Медведев посетил Южные Курилы и тут же «ранил чувства» японского народа // Ньюс.Ру [Электронный ресурс]. М., 2010. 1 ноября. Режим доступа: http://www.newsru.com/russia/01nov2010/kyrills_print.html.

⁴ Премьер Японии назвал визит Медведева на Кунашир «непозволительной грубостью» // РИА Новости [Электронный ресурс]. М., 2011. 7 февраля. Режим доступа: <http://dv.rian.ru/politics/20110207/81971566.html>.

территориальном споре, когда предложил другим заинтересованным странам осваивать Курилы совместно с Россией, не обращая внимания на японские притязания¹.

Новым элементом российской политики на Курилах стало усиление дислоцированных здесь воинских частей. Д.А. Медведев дал соответствующее поручение министерству обороны РФ, которое в начале 2011 г. озвучило планы модернизации пулеметно-артиллерийской дивизии на Курилах новыми образцами бронетехники, армейской авиации, систем связи, радиоэлектронной борьбы, радиолокации. Также министерство обороны решило отправить на Тихоокеанский флот новейшую атомную подлодку «Юрий Долгорукий» и два десантных корабля «Мистраль», закупленных во Франции². Эти действия, по сути, означают, что теперь Россия рассматривает Японию в качестве реальной военной угрозы и выражает готовность дать вооруженный отпор в случае провокации.

Выход Курильского вопроса на передний план внешней политики побудил правительство России к тому, чтобы сохранить рассматриваемую программу в плановом объеме в период мирового финансового кризиса. Федеральный закон о бюджете на 2011 г. и на плановый период до 2012 и 2013 гг. установил, что государственные ассигнования на развитие Дальнего Востока и Забайкалья сокращаются с 236,9 млрд рублей до 90,1 млрд (на 62%). Вернуть эти средства регионам центр предполагает до 2018 г. Однако ФЦП ««Социально-экономическое развитие Курильских островов», вкпе с подготовкой Владивостока к саммиту АТЭС-2012 и конкретными поручениями президента и премьер-министра по Дальнему Востоку продолжили финансироваться на прежнем уровне³.

Китай представляет для России наибольшую сложность среди стран Северо-Восточной Азии в проведении сбалансированной внешней политики. С одной стороны, российско-китайские политические отношения находятся на самом высоком уровне за всю их историю. Пограничные споры урегулированы в договорном порядке, высшие руководители держав встречаются несколько раз в год на регулярной основе, дипломаты согласуют позиции двух стран по ключевым международным вопросам, что в определенной степени препятствует попыткам США доминировать в мировой политике.

С другой стороны, многие реалии российско-китайских связей на местном уровне вызывают тревогу федерального центра. Из-за гигантского экономического диспаритета

¹ Медведев приглашает к сотрудничеству на Курилах соседние страны // РИА Новости [Электронный ресурс]. М., 2011. 9 февраля. Режим доступа: <http://dv.rian.ru/politics/20110209/81972619.html>.

² Главу японского МИД в Москве встретили критикой действий Токио и разговорами о вооружении Курил // Ньюс.Ру [Электронный ресурс]. М., 2011. 11 февраля. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/11feb2011/seiji.html>.

³ Ларина Л. Федеральное финансирование дальневосточных проектов сокращено на 62% // Золотой Рог. Владивосток, 2011. 15 марта.

Китая и той части России, которая прилегает к его северной границе, российское правительство с трудом может воздействовать на текущую ситуацию. Особенно тревожной, на наш взгляд, выглядит тенденция к монополизации Китаем внешней торговли сопредельных с ним субъектов Федерации. Валовый региональный продукт российского пограничья и без того опасно зависит от конъюнктуры зарубежных рынков. В сопредельных же регионах России Китай накануне мирового финансового кризиса устойчиво вышел на первое место среди внешнеторговых партнеров, причем в ряде случаев (Забайкальский край, Амурская область, Еврейская АО) его доля стремилась к 100%¹. В период мирового финансового кризиса относительное влияние Китая на экономику Дальнего Востока лишь увеличилось, хотя абсолютные объемы межрегиональной торговли на некоторое время сократились. Так, во внешней торговле Приморского края, которая на дальневосточном фоне является сравнительно диверсифицированной в товарном и географическом аспекте, Китай в 2011 г. занял 53% оборота².

Целенаправленной политики КНР по формированию отраслевой структуры восточных регионов России пока не просматривается. Китайские инвестиции вкладываются в небольшие проекты, а государственные предприятия и транснациональные корпорации КНР не ведут здесь никаких дел. Сюэ Хуэйлинь, генеральный директор ООО «Востокстройтехника», прокомментировал распространенное в России мнение о проводящейся Китаем экономической колонизации Дальнего Востока: «Каким образом можно завладеть определенным регионом? Именно экономическими процессами. Китайских инвестиций здесь, не сказать, что совсем нет, но очень-очень мало. Так мало, что совсем можно не считать. И государственные предприятия совершенно сюда не приходят. Вообще нет государственных предприятий. И поэтому здесь, знаете, то, что там люди думают, - это такой разговор, я так считаю, возник из-за русского менталитета. Именно России, русским людям в Азиатско-Тихоокеанском регионе неуютно. Неуютно, потому что по натуре вы же – европейцы» (интервью, Владивосток, 2008 г.).

Однако в КНР проводится акцентированная политика по развитию своих северо-восточных регионов, в том числе за счет расширения их экономических связей с Россией, о которой давно известно российским экспертам³. А.А. Конюшок, президент Центра содействия внешней торговле и инвестициям «Прогноз», наблюдал эти планы на российско-китайских экономических форумах: «Только в одиннадцатой пятилетке вновь в провинции

¹ Козлов Л.Е. Точки пересечения внешней и региональной политики России на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2010. №4. С.35-39.

² Приморскстат: в 2011 году экспорт транспортных средств увеличился в 3 раза // VL.RU [Электронный ресурс]. Владивосток, 2012. 24 февраля. Режим доступа: <http://www.newsvl.ru/society/2012/02/24/avto/>.

³ Иванов С.А. Деятельность субнациональных правительств в приграничном сотрудничестве России и Китая: системные ограничители и проблема мотивации // Россия и АТР. Владивосток, 2011. №2. С.146-147.

Хэйлунцзян четко прописана политика воздействия на северные провинции Китая, для того, чтобы они стали «продуктовой корзиной» для Дальнего Востока и Сибири. <...> Потому что они видят в северном своем соседе огромную «потребительскую корзину». И реализуя свои экономические цели, задачи, они прописывают все мероприятия. Они четко говорят: «Да, мы хотим стать империей любыми экономическими методами». Для нас это очень серьезный вызов. Я об этом говорил не раз. Нам необходимо реагировать на это, потому что отмалчиваться и отсиживаться в окопах мы не имеем права. Потому что они превратят нас в общество потребителей, а это самое страшное, что может случиться (интервью, Благовещенск, 2006 г.).

При осуществлении данных связей китайские предприниматели не имеют интереса к переходу Дальнего Востока на более высокий уровень промышленного развития. С.И. Фургал, координатор Хабаровского регионального отделения ЛДПР, депутат Законодательной Думы Хабаровского края, подчеркнул, что в совместных проектах необходимо политически принуждать китайскую сторону к увеличению добавочной стоимости, остающейся на территории России: «Допустим, берем отдельный регион, отдельно лес. Всем понятно, что в Китае запрещена вырубка хвойных лесов. Китай нуждается в лесе, но Китай невозможно заставить сегодня покупать пиломатериалы. Китай интересуется только круглым лесом. Если еще несколько лет назад их интересовал круглый лес, и они покупали у русского производителя, то сегодня у них интерес, к сожалению, реализуется только собственной добычей. Что это означает? Заходят китайцы, заводят свою технику, своих рабочих, вырезают лес, уничтожая всё вокруг, и вывозят его. Что получается? Китай получает прибыль. Что получает Россия? Россия не получает ничего. А лес уничтожается, цены на лес падают, люди остаются без работы. Те остатки жалкие, которые еще занимались лесом, они разоряются, в конце концов. <...> У меня просто возникает такое ощущение, что в России сегодня побаиваются Китая, причем очень серьезно. Я имею в виду правительство наше, московское, с одной стороны. С другой стороны, оно хочет дружить с Китаем» (интервью, Хабаровск, 2006 г.).

Основной интерес в двусторонних проектах для китайских предпринимателей представляет освоение природных ресурсов Дальнего Востока, причем с наименьшими издержками, то есть с минимальной деятельностью в пределах России. В вопросе промышленной модернизации центральное правительство и провинциальные администрации КНР сами озабочены привлечением новых технологий из развитых стран. Г.И. Петров, начальник управления экономики правительства Еврейской автономной области, указал на объективность данных противоречий между Россией и Китаем: «Вы же понимаете, что это – Китай: они не спешат вкладывать сюда деньги, тем более, в передовые технологии. Им бы

сырье отсюда утащить. А с этим делом у нас не проходит. Хотите рубить лес? Да нет проблем: перерабатывайте тут у нас. <...> Ну, вроде работаем – и долго. С китайцами вообще быстро никогда не получается. Трудно, но наша проблема – привлечь сюда их деньги. Вот что такое инвестиции. А их задача – вытащить отсюда ресурсы и своих «бичей» сюда засунуть, так называемую «рабочую силу» (интервью, Биробиджан, 2010 г.).

Реагируя на указанные тенденции экономических связей Дальнего Востока с Китаем, федеральное правительство неоднократно предпринимало меры таможенного регулирования и стимулирования внутреннего производства, наносящие ущерб российско-китайской приграничной торговле. В частности, по нашему мнению, искусственно раздувалась угроза «челноков», с которыми в последние годы усиленно боролась Федеральная таможенная служба. Их доля в общей российско-китайской торговле едва ли превышает 5%, или 2 млрд долларов США в год, о чем можно судить по официально регистрируемому количеству пересечений государственной границы: около 1 млн человек¹. Стоимостная оценка товаров, формально перемещаемых через границу для личного пользования, таможенной не проводится. Однако китайские товары более высокой ценовой категории, чем 55–60 долларов США за килограмм, были бы невыгодны «челнокам», учитывая конъюнктуру российского розничного рынка (по личным наблюдениям за потребительским поведением «челноков» в Китае).

Повышение таможенных пошлин на сырьевой экспорт и усложнение его оформления, в теории, призвано содействовать переработке природных ресурсов в пределах России. Однако собственных сил для обновления производственных фондов и налаживания сбыта у добывающих компаний Дальнего Востока, как правило, недостаточно, поэтому такие ограничения они в лучшем для себя случае обходят более или менее легальным образом, а в худшем случае сворачивают производство. А.В. Телюк, генеральный директор ОАО «Амурская ярмарка», выразил мнение, что, устанавливая таможенные ограничения, федеральный центр пока не компенсирует их мерами по развитию Дальнего Востока: «Я за то, чтобы сделать это путем привлечения иностранного капитала. Китайцы сделали это в свое время путем создания открытых экономических зон. У нас ничего похожего пока нет. Хозяйственный комплекс Дальнего Востока гораздо ближе к странам АТР и должен стать его частью» (интервью, Благовещенск, 2010 г.).

Федеральное правительство опасается того, что зарубежные страны будут оказывать чрезмерное влияние на принятие политических решений в приграничных регионах России, которые рассматривают внешнеэкономические связи как один из перспективных источников

¹ Статистические данные за 2007 год // Федеральное агентство по туризму [Электронный ресурс]. М., 2008. Режим доступа: http://www.russiatourism.ru/section_23/section_430/.

пополнения своих бюджетов. Т.М. Мосенцова, заведующая Международным отделом администрации Благовещенска, отметила, что российским регионам делегировано гораздо меньше внешнеэкономических полномочий, чем китайским: «Сейчас прошло уже пятнадцать лет тесных контактов [Благовещенска и Хэйхэ]. Всё там – наводнения, засуха, морозы, лесные пожары – всё происходит одинаково и одновременно. Даже вплоть до того, когда туристка наша выехала туда, родила, то есть скорую помощь отправить туда и всё остальное. Мы же полностью зависим от этих законов. И, конечно, для таких регионов, как наш, должны быть такие маленькие исключения из правил. Вот хотя бы китайская сторона ввела безвизовый режим. Ну, и нам бы безвизовый режим, хотя бы для врачей скорой помощи. <...> Причем у китайской стороны больше полномочий народного правительства, им практически подчиняются [местные подразделения государственных органов]. То есть от мэра города Хэйхэ сегодня зависит, кто будет работать начальником таможни, кто будет работать начальником КПП и так далее. А наша федеральная структура напрямую подчиняются Москве. Москва просыпается в два часа дня, а в это время всё, что угодно, может случиться» (интервью, Благовещенск, 2006 г.).

Общее отношение российских чиновников к китайским гражданам – в том числе, к потенциальным и реальным инвесторам – остается недружелюбным. Китайские бизнесмены постоянно жалуются на тяжелые условия, которые создают им на местах российские бюрократы и правоохранительные органы¹. Подписание осенью 2009 г. на высшем уровне «Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР» не внесло принципиальных изменений в эту ситуацию. Например, уже в апреле 2010 г. Главное управление МВД России по Дальнему Востоку распространило в СМИ статью «В Уссурийске милиционеры пресекли производство опасной для здоровья обуви». Ответная публикация китайской компании гласила, что милицию привлекли недобросовестные конкуренты в попытке рейдерского захвата предприятия: «Тон статьи, использующей выражения «бизнесмен из Поднебесной», «группа граждан КНР», имеет явно антикитайскую направленность, идущую вразрез с международными договоренностями между главами России и КНР»².

Сдерживание региональных связей с Китаем в значительной степени отвечает настроениям российского общества, в котором укоренился страх перед китайской экспансией, диагностируемый многими социологами. В российских средствах массовой информации – причем скорее федеральных, чем региональных – обычным делом остаются материалы об исходящих от Китая угрозах, вплоть до обсуждения возможной войны России

¹ Дубовик Е. Сюэ Хуэйлинь: «Угроза России – в менталитете людей» // Конкурент. Владивосток, 2008. 2 мая.

² В Приморье «кошмарят» российско-китайское предприятие // VL.RU [Электронный ресурс]. Владивосток, 2010. 27 апреля. Режим доступа: http://news.vl.ru/vlad/2010/04/27/ooo_obuv/.

против Китая¹. А.А. Конюшок, президент Центра содействия внешней торговле и инвестициям «Прогноз», предположил, что политические отношения двух стран движутся по совершенно иной траектории, чем деловые связи: «На уровне малого, среднего и крупного бизнеса практически никаких отношений, вернее стратегических направлений для взаимоотношений нет. Поэтому развитие шло стихийно и, в основном, экстенсивным методом, то есть выживали те направления, которые были более выгодные в бизнесе. Там, где конкуренция слишком сильно нарастала, те компании начинали потихоньку банкротиться. И фактически это развитие шло на фоне роста фобии, то есть в народе росла боязнь китайской экспансии. И в отсутствие такого пропагандистского, стратегического управления развитием отношений развивалось мнение стихийно, мнение толпы, что «желтая нация», что китайцы придут и проведут экспансию. Более того, на сегодняшний день сложилась ситуация, что в Москве, например, жители, политики и многие ученые считают, что здесь на Дальнем Востоке на улице только одни китайцы ходят» (интервью, Благовещенск, 2006 г.).

В постсоветский период, испытывая дефицит средств на развитие Сибири и Дальнего Востока, российское правительство долгое время ограничивалось ситуативными реакциями или выжидательной линией в экономических отношениях с Китаем. А.Б. Левинталь, министр экономического развития и внешних связей Хабаровского края, оценил итоги межрегиональных связей следующим образом: «Пока больше выгод от сотрудничества извлекает китайская сторона, поскольку все-таки есть вопросы с точки зрения адекватности, так скажем, и взаимовыгодности по ряду моментов. Поэтому здесь очень много надо сделать. Я в пример бы привел как раз китайскую сторону, которая очень целенаправленно, зная, чего хочет и чего добивается, выстраивает свою политику. К сожалению, российское правительство в этом направлении работает слабее, пока на сегодняшний день» (интервью, Хабаровск, 2006 г.).

По мере наполнения федерального бюджета за счет высоких цен на нефть российское правительство инициировало промышленную и инфраструктурную модернизацию Дальнего Востока. Проекты, стимулирующие региональную торговлю Дальнего Востока с Китаем, в соответствующих программах не стали приоритетными. Некоторые из них вступают в стадию практической реализации, но осуществляются, прежде всего, за счет инвестиций и усилий коммерческих компаний. Китайская сторона, в любом случае, не получает контроля над этими проектами, а китайские коммуникации, которые должны стать их частью, не переходят российскую границу (например, ветка нефтепровода ВСТО в селе Джалинда,

¹ Рябцев А. С кем Россия готова воевать сегодня и кто на нас может напасть // Комсомольская правда. М., 2012. 25 февраля.

железнодорожный мост через реку Амур в селе Нижнеленинское). Г.И. Петров, начальник управления экономики правительства Еврейской автономной области, заявил, что от сложившейся формы экономических связей с Китаем Россия должна отказываться: «Например, напротив Благовещенска город Хэйхэ, такой город. Чего там говорить? Давайте про вашу «Суньку»! Там была деревня. А поднялась она на нашем сотрудничестве, очень хорошо. Так зачем мне такое сотрудничество, когда не Ленинское выросло в город, а то, что напротив? <...> Нужно привлекать их деньги на нашу территорию, нужно привлекать те технологии, где они нас уже обошли, их рабочую силу туда, где у нас есть проблемы. Только без того, чтобы они тут закреплялись, надежды у них тут появлялись. Поработали – пинка под зад. И у него не должно возникнуть в голове каких-либо прицелов на эту территорию, как везде это делают» (интервью, Биробиджан, 2010 г.).

Китай играет чрезвычайно важную роль в современном мире, чтобы открыто демонстрировать недоверие к нему. Поэтому Москва не игнорирует китайские инициативы по углублению взаимодействия, но, по возможности, спускает их на тормозах. Представляется вероятным, что «Программа сотрудничества между регионами» была согласована российской стороной лишь во избежание прямого отказа от интеграционных инициатив Пекина. Федеральное правительство уже не раз проявляло пассивность в практической реализации подобных договоренностей, как в случае приграничного торгово-экономического комплекса в районе Суйфэньхэ – Гродеково или моста через реку Амур в районе Благовещенска.

Судя по событиям последних трех лет, в качестве основного зарубежного партнера по модернизации Дальнего Востока федеральное правительство рассматривает Республику Корея. Причины этого лежат на поверхности. Южная Корея уже сейчас находится в авангарде мировой экономики. По прогнозу американского банка «Goldman Sachs», к 2050 г. она выйдет на второе место в мире по объему ВВП на душу населения¹. Корейские корпорации прошли закалку в ходе международных финансовых кризисов 1998 и 2008 гг. Они уверенно конкурируют на внешних рынках с европейскими, американскими и японскими компаниями, владеют передовыми технологиями во многих секторах промышленного производства. В ряде отраслей, которые правительство России решило развивать на Дальнем Востоке, Южная Корея занимает лидирующие позиции, в первую очередь, в судостроении, автомобилестроении, нефтехимии и газохимии. Специфика внешнеэкономической политики Южной Кореи заключается в готовности раскрывать

¹ Wilson D. The N-11: More Than an Acronym / D. Wilson, A. Stupnytska // Global Economics Paper. Issue 153 / Goldman Sachs. New York, 2007. March 28. P.18.

используемые технологии и делиться опытом, рассчитывая на создание производств полного технологического цикла с высокой добавочной стоимостью.

Южнокорейская сторона подчеркивает готовность к встречному сближению, реализуя специальную программу связей с регионами Сибири и Дальнего Востока. Республика Корея лидирует среди азиатских стран по объему накопленных инвестиций в российский Дальний Восток. В условиях, когда руководство корейских корпораций тесно связано с национальным правительством, а корпоративные интересы часто отождествляются с государственными, их внешнеэкономическая деятельность, скорее всего, отвечает внешнеполитической стратегии официального Сеула. Двусторонним контактам благоприятствует наличие на Дальнем Востоке крупной и социально активной корейской диаспоры, зачастую выступающей в качестве организатора или посредника в совместных проектах.

В военно-политическом плане Южная Корея в наименьшей степени представляет угрозу России в Северо-Восточной Азии. Она стремится поддерживать добрососедские отношения, готова к компромиссам, испытывает острую потребность в поддержании региональной стабильности, развивает военно-техническое сотрудничество с Россией, не претендует на глобальное политическое лидерство и не владеет оружием массового уничтожения. Политический режим Южной Кореи обладает широкой общественной поддержкой и является достаточно предсказуемым – в отличие от КНДР – в принятии внешнеполитических решений.

После некоторой стагнации российско-южнокорейских отношений в период президентства Владимира Путина и Но Му Хёна, Дмитрий Медведев и Ли Мён Бак существенно активизировали контакты на высшем уровне. Одним из сигналов о межгосударственном сближении стала взаимная либерализация визового режима и продолжение дипломатических консультаций о полной отмене визового контроля.. В 2008 г., когда Ли Мён Бак посетил Россию с официальным визитом, главы двух стран договорились поднять взаимодействие до уровня стратегического партнерства, привлечь деловые круги Республики Корея к сотрудничеству в Сибири и на Дальнем Востоке, в том числе с учетом федеральной программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья»¹.

С этого момента сотрудничество России и Республики Корея на Дальнем Востоке стало распространяться на принципиально новые сектора экономики. К числу действующих или планирующихся к реализации направлений сегодня относятся судостроение,

¹ Совместное Заявление Российской Федерации и Республики Корея 29 сентября 2008 г. // Президент России [Электронный ресурс]. М., 2008. Режим доступа: http://news.kremlin.ru/ref_notes/237/.

транспортировка газа, газохимия, машиностроение, авиатранспорт, космонавтика, сельское хозяйство и пищевая промышленность. Не все из них имеют ясные перспективы, но, в сравнении с китайскими и японскими проектами, корейские инициативы продвигаются гораздо быстрее. Например, в сентябре 2010 г. «Федеральная сетевая компания» (оператор магистральных электрических сетей России), администрация Приморского края и корейская корпорация «Hyundai Heavy Industries» подписали меморандум о взаимопонимании по строительству завода электротехнического оборудования в Приморье. Уже в июне 2011 г. был согласован выбор земельного участка для его строительства в городе Артеме¹.

В соответствии с соглашением, корейская компания осуществляет проектирование, строительство и последующую эксплуатацию завода. Источником финансирования проекта являются собственные и привлеченные средства «Hyundai», на первоначальном этапе около 50 млн долларов США. «Федеральная сетевая компания» намерена заключить с «Hyundai» на конкурсной основе долгосрочный договор на поставку оборудования, изготавливаемого данным заводом². Создание такого производства в Приморском крае обусловлено тем, что электрическое хозяйство Дальнего Востока проходит комплексную модернизацию в рамках программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья» и Энергетической стратегии России.

В 2008 г. правительство России привлекло южнокорейскую корпорацию «Daewoo» к реализации федеральной программы развития судостроения на Дальнем Востоке. «Daewoo» вошла в проект на самых благоприятных условиях: работая на средства из федерального бюджета, имея гарантированный сбыт посредством заказа от государственных корпораций. В качестве потенциальных заказчиков ее судов рассматриваются «Газпром», «Роснефть», «Транснефть» и крупные судоходные компании. Крупнейший в России танкерный перевозчик «Совкомфлот» подписал контракт на строительство шести танкеров до 2014 г. Непосредственно в России под ключ будут построены лишь два танкера данного заказа. Еще для двух на верфи «Звезда - DSME», совместном предприятии «Daewoo Shipbuilding&Marine Engineering Co. Ltd.» и «Объединенной судостроительной корпорации», будет проведена часть работ³.

¹ «Hyundai Heavy Industries» начинает строительство завода по производству КРУЭ во Владивостоке // АЭИ «Прайм»: Пресс-релизы [Электронный ресурс]. М., 2011. 16 июня. Режим доступа: <http://www.prime-tass.ru/news/pressreleases/>.

² «Hyundai» начала строительство завода по производству электрооборудования в Приморье // ГТРК «Владивосток» – Вести: Приморье [Электронный ресурс]. Владивосток, 2011. 16 июня. Режим доступа: <http://www.ptr-vlad.ru/news/economics/47707-hyundai-nachala-stroitelstvo-zavoda-po-proizvodstvu-elektrooborudovaniya-v-primore.html>.

³ Совкомфлот и ОСК подписали соглашение о строительстве серии судов типоразмеров Афрамекс и LR2 // Совкомфлот [Электронный ресурс]. М., 2010. 28 октября. Режим доступа: <http://www.sovcomflot.ru/npage.aspx?ln=RU&did=74801&cid=113>.

Согласно официальной информации, верфь будет изготавливать танкеры для транспортировки сырой нефти и нефтепродуктов, суда для перевозки сжиженного природного газа, верхние основания и модули платформ для морского шельфа, заводов по добыче, переработке, хранению и отгрузки сжиженного природного газа. От реализации проекта Россия ожидает получить высокотехнологичное производство, повышение квалификации персонала, создание большого числа рабочих мест в смежных отраслях. По предварительной оценке, объем финансирования проекта составляет 1,2 млрд долларов США, а на строительстве верфи будет задействовано до 5200 специалистов¹.

Для Кореи этот проект означает привлечение инвестиционных средств, появление нового перспективного партнера, возможность вовлечения в инфраструктурные проекты, в первую очередь, связанные с освоением шельфа Охотского моря, а также обеспечение занятости специалистов судостроения. Участие в проекте повышает шансы Южной Кореи на допуск к освоению углеводородов Охотского моря и к их дальнейшей транспортировке. Собственными углеводородами Корея не обладает, поэтому вынуждена импортировать нефть и газ почти в полном объеме. Необходимость диверсификации поставок обострилась в связи с политической напряженностью на Ближнем Востоке в 2011 г. и вокруг Ирана в начале 2012 г., откуда, в основном, экспортируются углеводороды в Корею. В пользу России говорят политическая стабильность и географическая близость.

Опрошенные нами эксперты сомневаются в оформлении союзнических отношений России и Южной Кореи даже посредством устной договоренности. Они считают, что рассматриваемая тенденция обусловлена исключительно грамотным маркетингом корейских корпораций и просчетами зарубежных конкурентов. Вот мнение А.Ю. Рассомахина, бывшего генерального директора судостроительного завода «Звезда»: «Скажем так, южнокорейские ребята оказались чуть подвижнее, чем все остальные. <...> Я не думаю, что остальные государства Азиатско-Тихоокеанского региона не хотели бы в этом участвовать. Просто все занимали позиции ожидания, а они решили рискнуть» (интервью, Большой Камень, 2010 г.).

И.И. Меламед, генеральный директор Международного центра развития регионов, руководивший подготовкой государственного проекта «Стратегии развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.», высказался следующим образом: «Они же [корейцы] очень быстро развиваются. Им, действительно, нужны и нефть, и газ, и электроэнергия. Ничего своего нет. Простые ресурсы позарез нужны. Китайцы, им очень много надо, но они организовались по всему миру. Крупнейшие – их компании, которые сейчас везде работают. В конце концов, лишние пятнадцать-двадцать миллионов тонн нефти

¹ Звезда - ДСМЕ // Дальневосточный центр судостроения и судоремонта [Электронный ресурс]. Владивосток, 2011. Режим доступа: <http://dcss.ru/projects/zvezda-dsme.html>.

при потреблении в четыреста, не являются такими критичными. <...> Японский бизнес очень долго раскачивался. Потом, к сожалению, за девяностые годы у японцев сложился стереотип, что Россия слабая, а мы такие сильные, и прочее» (интервью, Москва, 2010 г.).

Всё же полное отрицание взаимосвязи экономики и политики в данном случае представляется неверным. Том Армбрустер, генеральный консул США во Владивостоке, согласился с наблюдением, что экономическое развитие Дальнего Востока определяется политической волей российского правительства: «В идеале хорошо, когда бизнес – это бизнес, а политика – это политика, и они не смешиваются друг с другом. И пока в России я не вижу эту тенденцию. Пока политика и бизнес всегда смешиваются. И так как нет политических трудностей между Южной Кореей и Россией, конечно, Корея – естественный и хороший партнер» (интервью, Владивосток, 2010 г.).

Президент Ассоциации добытчиков минтая Герман Зверев в своих выступлениях постоянно указывает на большие лоббистские возможности, которые имеют в России южнокорейские рыболовные компании. В конце 2009 г. между Россией и Южной Кореей было подписано соглашение о несообщаемом и нерегулируемом промысле живых морских ресурсов, увеличивающее квоту корейских компаний на вылов минтая в исключительной экономической зоне России на 75% (подразумевается, прежде всего, Охотское море). Рыболовные компании Дальнего Востока выступают категорически против допуска иностранцев во внутренние российские моря, но предполагают, что корейская квота будет и далее расширяться¹.

По мнению профессора Сеульского национального университета Шин Бом Шик, для максимизации синергетического эффекта развития Дальнего Востока и регионального сотрудничества в Северо-Восточной Азии необходимо признать взаимосвязь экономического сотрудничества в регионе с урегулированием ситуации на Корейском полуострове. Этот процесс тесно связан с реформированием КНДР и ее открытием внешнему миру. С точки зрения южнокорейских специалистов, ключевой задачей развития Дальнего Востока России является оживление энергетических и транспортных коридоров, которые упираются в вопрос «открытия» Северной Кореи².

Официальная позиция России согласуется с данным подходом, провозглашая трехсторонние проекты важным средством нормализации межкорейских отношений, восстановления доверия после инцидента с корветом «Чхонан» и возобновления работы Пекинской шестерки. В качестве таковых рассматриваются газопровод и линия

¹ Нурмухаметов Ю. Пустить корейца в Охотское море // Золотой Рог. Владивосток, 2010. №95.

² Shin, Beom-Shik. The Development of Russian Far East: Its Strategic Meaning for Northeast Asian and Asia-Pacific Regional Cooperation / Beom-Shik Shin // Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: Корея и Россия - национальные интересы, роли, перспективы / Отв. ред. А.А. Бреславец. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2010. С.14.

электропередачи из России в Южную Корею через территорию КНДР, а также соединение Транскорейских железных дорог с Транссибирской магистралью через ветку Уссурийск – Хасан¹. Все они, в случае реализации, окажут прямое влияние на экономику Дальнего Востока и, скорее всего, будут задействовать ресурсы работающих российско-южнокорейских проектов. Нормализация межкорейских отношений благотворно скажется на двусторонних проектах России с южнокорейскими компаниями в Приморском крае, поскольку отсутствие прямой связи по железной дороге и враждебное отношение КНДР к заходу иностранных судов в ее территориальные воды удорожает транспортное сообщение, а вероятность вовлечения региона в вооруженный конфликт повышает инвестиционные риски.

Отношения с КНДР являются сегодня главной проблемой внешней политики Республики Корея. Сеул осознает, что самостоятельно разрешить данный вопрос не в состоянии, и пытается заручиться максимальной поддержкой крупных держав, прежде всего, вовлеченных в шестисторонние переговоры по ядерной программе КНДР. Поддержка России как одного из участников Пекинской шестерки является для Южной Кореи весьма полезной. На руку Сеулу играет то, что в экономическом плане КНДР в отдельности неинтересна России, ввиду мизерного объема контактов: в 2010 г. торговля между Россией и КНДР составила всего 101 млн долларов США².

Для Сеула Россия представляет интерес в вопросе о денуклеаризации Кореи тем, что не прерывает политических контактов с КНДР и способна, в отличие от США и Японии, вести прямой диалог с ее руководством на различные темы, включая трехстороннее экономическое взаимодействие. Среди южнокорейских специалистов преобладает мнение, что вовлечение Севера в подобные проекты повысит шансы на его объединение с Югом. Отметим, что технологическая деградация и отсутствие финансовых резервов в КНДР делает необходимым полное финансирование и технологическое сопровождение работ на ее территории иностранными участниками.

Вектор на промышленную кооперацию с Республикой Корея и реализацию трехсторонних проектов содержит для России определенные риски в отношениях с другими великими державами, вовлеченными в корейское урегулирование. В обеспечении военной безопасности Республика Корея до сих пор сильно зависит от США. В связи с обострением ситуации вокруг КНДР в 2010 г. военные ведомства США, Республики Корея и Японии активизировали усилия по формированию тройственного союза, до тех пор не особо успешные из-за исторических противоречий между Токио и Сеулом. Америке, по нашему

¹ Интервью Посла по особым поручениям А.А. Тимонина газете «Коммерсантъ» // Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс]. М., 2011. 30 ноября. Режим доступа: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rasia.nsf/1083b7937ae580ae432569e7004199c2/c32577ca00174586442579590022c7ab!OpenDocument>.

² КНДР. Связи с Россией и СНГ // Полпред [Электронный ресурс]. М., 2011. 27 мая. Режим доступа: http://www.polpred.com/?ns=1&ns_id=332160.

мнению, этот союз необходим, чтобы оказывать психологическое давление, прежде всего, на Китай, а не на КНДР. Явное сближение России с американским союзником вызовет недовольство Китая, что, несомненно, осложнит российско-китайское партнерство. Кроме того, обострение межкорейских отношений усиливает влияние военных кругов на принятие внешнеполитических решений в Южной Корее, в то время как интересам России отвечает усиление сотрудничающих с ней корпораций.

Судьба гипотетического газопровода из России в Корею демонстрирует, что внешняя и внешнеэкономическая политика России на Дальнем Востоке неизбежно будет подвергаться воздействию групп давления с различными, в том числе противоположными интересами. Владимир Путин еще в 2009 г. заявил, что в Приморье будет построен завод по сжижению газа. В 2010 г. в ходе визита Дмитрия Медведева в Сеул было заключено соглашение между компаниями «Газпром» и «КОГАЗ» о ежегодных поставках российского газа в Южную Корею с 2017 г. в объеме не менее 10 млрд кубометров, что составит 22% корейского газового импорта¹.

В рамках этих переговоров обсуждался и способ доставки углеводородов. Стороны согласились с тем, что предпочтительным вариантом является строительство трубопровода. Политические риски, сопряженные со строительством и эксплуатацией газопровода через территорию КНДР, крайне велики. Поэтому было бы логично ожидать, что вышеупомянутый завод обеспечит поставки в Корею. Однако Япония после аварии на АЭС «Фукусима» стала активно искать новые источники энергоснабжения, достигла предварительной договоренности с «Газпромом» о строительстве в Приморском крае завода, ориентированного на поставки газа в Японию, и уже к началу 2012 г. представила его проект на согласование российской стороне².

В заключение отметим, что Республика Корея в сложившейся внешнеполитической ситуации является для России наиболее перспективным партнером по экономическому сотрудничеству на Дальнем Востоке. Территориальные претензии Японии к соседним странам, а также политическое и экономическое возвышение Китая, покровительствующего Северной Корее, подталкивают Россию и Южную Корею к сближению. При этом российскому правительству и государственным компаниям следует учитывать динамичное развитие международных отношений в Северо-Восточной Азии, которое накладывает на данное сотрудничество определенные ограничения и требует четкого представления о возможных переменах в политической ситуации.

¹ РФ с 2017 г. будет поставлять в Южную Корею 10 млрд кубов газа в год // РИА Новости [Электронный ресурс]. М., 2011. 10 ноября. Режим доступа: <http://ria.ru/economy/20101110/294527474.html>.

² Россия и Япония планируют построить завод СПГ во Владивостоке // Forbes.Ru [Электронный ресурс]. М., 2012. 8 января. Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/78214-rossiya-i-yaponiya-planiruyut-postroit-zavod-spg-vo-vladivostoke>.

Федеральная программа развития Курильских островов заметно укрепила позиции российской дипломатии в диалоге с Японией. Российское правительство в категоричной форме подтвердило необходимость суверенитета России над оспариваемыми островами. Мощное землетрясение 2011 г., серьезно ослабившее японскую экономику, дополнительно отвлекло внимание Японии от территориального вопроса. Однако оборонительный характер пограничной политики России заставляет сомневаться в том, что социально-экономическое положение Курильских островов будет интересовать центр, если конфликт с Японией потеряет актуальность. Пока же, с точки зрения внешнеполитических интересов, России следует смириться с убыточностью Курил, но, безусловно, компенсировать местной экономике доходы, выпадающие ввиду напряженной международной обстановки.

Общая напряженность отношений между Россией и Японией отвращает бизнес (особенно, мелкий и средний) от ведения дел в приграничных областях, а экономический диспаритет с Китаем побуждает правительство России сдерживать межрегиональные связи. В то же время крупные проекты с участием и японского, и китайского капитала в центральной России не угрожают единству экономического пространства нашей страны, а предлагающие их крупные корпорации способны лоббировать свои интересы в Токио и Пекине. Поэтому российским правительством приветствуются такие проекты, как завод «Тойота» в Ленинградской области.

Согласно традиции, начало которой положил еще президент СССР Михаил Горбачев, федеральное правительство продолжает заявлять о важности интеграции России в АТР¹. Однако оно не осуществляет практических действий, стимулирующих трансграничное предпринимательство, вроде упрощения административных процедур, снижения транспортных тарифов и налогов, совершенствования инфраструктуры пограничных переходов. Центр фактически не рискнул использовать для развития Дальнего Востока механизм свободной экономической зоны в его классическом понимании. Дефицит иностранных инвесторов, в любом случае, беспокоит Москву меньше, чем стабильность политических систем дальневосточных регионов. Подобные действия или бездействия федерального правительства становятся понятными и оправданными, если их цель состоит в снижении влияния стран Северо-Восточной Азии на восточные регионы России.

¹ Кузьмин В. Идем на Восток. Дмитрий Медведев завершил дальневосточное турне / В. Кузьмин, К. Завражин // Российская газета. М., 2010. 5 июля.